

УДК 316.614

А. В. Щербина*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Рассмотрены основные методологические традиции социологии в анализе социализации. Проанализированы критерии, социально-структурные условия и последствия успешной социализации. На основе типологического подхода к социализации, предложенного в концепции «социального кода» М. К. Петрова, проанализированы ключевые характеристики всеобщего стандарта социализации. Прослежены его религиозно-философское обоснование, идеологическое продвижение, социально-экономическое и политическое закрепление, осуществленное в процессах капиталистической модернизации при обязательном участии национального государства. Обоснована неизбежность разложения универсального стандарта в постиндустриальном обществе. Социализационные процессы в условиях глобализации рассматриваются в контексте конкуренции транснациональных, национально-государственных и конфессиональных субъектов. Предпринята попытка обосновать плодотворность анализа социализации как пространства для моделирования.

Социализация, культура, социальная структура, личность, критерии успешной социализации, идентичность, трансляция, трансмутация, коммуникация, всеобщий стандарт социализации, социальное моделирование

В общественном мнении, одним из срезов которого выступает медийная повестка дня, отчетливо звучит тревога по поводу социализации. Обсуждаются темы утраты национальной и этнической идентичности, культурного наследования, культурного кода, сохранения и возрождения культурно-исторических традиций, в лоне которых социализация подрастающих поколений происходила как бы сама собой. Сегодня социализация стала проблемой. Прежде всего для персонала, непосредственно ответственного за социализацию. Родители, педагоги, психологи озабочены ситуациями неудавшейся социализации (асоциальное поведение) и активно обсуждают дефекты воспитательных укладов, цели и содержание образования, обучающие технологии, способы профессиональной ориентации, практики наставничества и их адекватность стремительным социальным изменениям и информационным вызовам. И... демонстрируют растерянность.

Старшие всегда болезненно воспринимают разрыв поколений – возрастную «неофилию» (К. Лоренц). Она зависит от того, насколько культура стабильна во времени истории, насколько исторически индивидуальны восприятие и реакция ее носителей на те или иные события. Неофилия возрастает, если культура находится под сильным влиянием специфического опыта предшествующего поколения. Дети разрушают наследие, уклонившись в своих планах от следования утопиям отцов, попадают под влияние сил, генезис которых не ясен ни им самим, ни традиционным «агентам социализации», принимают чуждые, по мнению старших, разрушительные для общности символические интерпретации социального мира и целевые установки.

Проблемы в социализационных процессах неизбежны. Представители разных поколений оказываются в общих ситуациях в разное время своей жизни (на разных этапах жизненного цикла) и обладают специфическими преимуществами, связанными с возмож-

ностью учесть прошлый опыт, и с ограничениями как последствиями ранее сделанных выборов. Темпоральное измерение социальных процессов означает, что из факта разочарования в исторически сложившейся системе разделения труда и осознания необходимости социальных изменений не следует, что они произойдут мгновенно. Требуется время, даже если оно ускоряется и субъективно более интенсивно переживается.

Можно утверждать, что понимание социализации во многом задается парадигмой понимания общества. Социология появилась как теория современного общества, отделяющего себя от общества традиционного. Основоположники социологии выступили и первыми теоретиками социализации, осмыслив ее как проблему для общества модерна.

Социокультурный мир предпослан индивиду. Социализация – это включение индивида в общество. Общество формирует личность. Это линия социального реализма – от Э. Дюркгейма до М. Арчер. Результатами социализации новых поколений выступают само общество как социальная структура и культура как историческая индивидуальность. Порождающая, генерирующая «социальность» роль культуры выражается в следующем. Культурная принадлежность людей – то, что определяет их желания, способы выражения эмоций, нормы поведения, язык, когнитивные и коммуникативные навыки, способы толкования ситуаций, мировоззрение, верования, жизненные цели, социальный горизонт. То, что наделяет их надындивидуальной движущей силой. Культурные стандарты характеризуются определенным постоянством и выражаются в повседневности, в рутине социальной жизни.

Принадлежность к культуре означает, что человек – часть особого смыслового универсума и ощущает свою тождественность с одними и отличие от других, взаимодействуя с первыми иначе, чем со вторыми. Идентификация себя с другими людьми означает, что человек в каких-то моментах не видит различий между собой и другими и готов на жертвы ради этих других. Идентичность/инаковость задают базовые установки практического сознания: доверие и недоверие. Культурная принадлежность конститутивна для человека и не является предметом его выбора. Любое принятие или отторжение другой культуры определяется не только имеющимися ситуационными возможностями, но и базовой культурной принадлежностью.

Социальная структура и местоположение в ней определяют ресурсы и ограничения социализации индивида, снабжают институциональной программой его жизненные планы, определяют наиболее ценные (с точки зрения воспроизводства структуры) личностные черты. Наряду с институционализированными стандартами ресурсов и ограничений действуют и неинституционализированные. Размер группы, ее разнородность, степень неравенства также влияют на социализацию личности, образуют социальный базис ее межличностных отношений и идентичности. Вопросы «социальной циркуляции» (П. Сорокин) имеют самое непосредственное отношение к социализации: социализированный индивид – это индивид, во-первых, протестированный для адекватного выполнения социальных функций, отобранный в качестве претендента на определенные социальные позиции и, наконец, распределенный в некий социальный слой с характеризующей его перспективой продвижения или деградации [1].

Итак, культура – всеобщее основание социализации, она определяет членство, включенность, принадлежность. Местоположение в структуре дифференцирует индивидов на стоящих внизу иверху, в центре или на периферии. Социология претендует на то, чтобы охватить эти процессы и отношения в их связи в социокультурном анализе. Структурно-функциональный подход от Э. Дюркгейма до Т. Парсонса подчеркивает принудительный характер социализации. Коллективное сознание обладает силой принуждать индивидов мыслить, чувствовать и действовать определенным образом. Если 80 % членов общества заняты однообразным земледельческим трудом, то сходство их деятельности порождает сходство их мыслей и чувств.

По мере углубления разделения труда нарастает многообразие групповых и индивидуальных различий, и на смену внешней принудительной координации, обеспечиваемой трансцендентностью, конкретностью, детальностью коллективного сознания и репрессивным социальным контролем, приходит органическая солидарность, поддерживаемая абстрактным характером, обобщенным содержанием коллективного сознания и инкорпорированной индивидами мотивацией к кооперации. Социализация, мерилom которой выступает солидарность (и в синхронии, и в диахронии), превращается в проблему, что и резюмировал Дюркгейм в понятии аномии и отчетливо выразил в своих размышлениях о воспитании и в симпатиях к социализму.

Т. Парсонс рассматривает социализацию как процесс усвоения индивидами ценностей и норм социетальной общности. Ценностно-нормативный порядок предпослан. Проблемы социализации связаны с формированием у индивидов мотиваций к определенным занятиям – к исполнению ролей. Принуждение опосредуется удовлетворением потребностей, им же и формируемых. «Основная функциональная проблема, связанная с отношением социальной системы к системе личности, касается усвоения, развития и утверждения в процессе жизненного цикла адекватной мотивации для участия в социально значимых и контролируемых образцах действия. Общество, в свою очередь, должно также адекватно удовлетворять или вознаграждать своих членов через такие образцы действия, если оно желает постоянно воспроизводиться как система на основе этих действий. Это отношение составляет “социализацию”, единый сложный процесс, посредством которого личности становятся членами социетального сообщества и поддерживают этот статус» [2, с. 104].

Гармония (у Парсонса предустановленная) ценностно-нормативного порядка и поведенческих ожиданий достигается интернализацией членами сообщества ценностей и норм в процессе жизненного цикла. К этому встроенному и неочевидному принуждению добавляется машина принуждения как таковая. Углубление разделения труда, структурная дифференциация порождают напряжения и аномии. Гарантия интегрированности в конечном счете – ценностно-нормативный порядок, который не может быть обоснован целесообразностью более низкого уровня, в том числе собственно социальной целесообразностью, легитимируется через отношение к трансцендентному (культурная целесообразность). Дюркгейм в связи с этим говорит о нравственных идеалах, которые «всегда религиозны». Это «социальный факт», о котором нелишне напомнить современному секуляризированному, религиозно (конфессионально) индифферентному сознанию.

Итак, общество активно, личность реактивна. Общество – субъект, личность – объект. Общество властно распоряжается, индивиды адаптируются, общество вознаграждает и наказывает, индивиды испытывают чувство неполноценности, страдают и стыдятся (а потому нуждаются в терапии), что предполагает, разумеется, некое индивидуальное самодвижение (психодинамику), описываемое в категориях торможения, субституции, имитации и идентификации. Психоаналитическая теория З. Фрейда с ее «недовольством культурой» предлагает видение этого процесса, используя модель патриархальной семьи и связывая способность индивида к самодвижению и сопротивлению с биологическими импульсами – либидо. А потому психоаналитическая теория (и практика), с которой ведет отсчет современная психология личности, вообще говоря, не способна концептуализировать «личность». Что и было продемонстрировано ее многочисленными критиками с позиций гуманистической, персоналистической психологии.

Если же человек создает себя и общество, то социализация – это обобществление, претворение индивидуального опыта в социальный, включение индивидуального опыта в транслируемое наследие. Частный случай – распространение изобретения (в самом широком смысле) индивида-новатора «вследствие личного влияния этого человека и подражательной доверчивости

его близких» [3, с. 123]. Такое понимание социализации восходит к Г. Тарду. В русле этой традиции феноменологическая социология внесла значительный вклад в осмысление процесса социализации индивидуального и intersubъективного опыта. А. Шютц называет его «социальным одобрением знания», в определенном смысле противоположным процессу социального получения знания, и вводит понятие «седиментации»: «...седимент (осадок) прежних актов переживания, как моего собственного, так и других, получивших социальное одобрение» [4, с. 237]. Седиментация, по генезису укорененная в индивидуальном и intersubъективном опыте, становится социальной, «лишь когда она объективирована в знаковой системе того или иного рода, т. е. когда возникает возможность повторных объективаций общего опыта» [5, с. 113].

Язык главным образом объективирует новый опыт, делает его значимым для тех, кому он недоступен, включает его в запас знания, передает последующим поколениям и другим общностям. Над седиментацией надстраиваются типизация, хабиутализация, легитимация в качестве моментов институционализации знания. Конфликты различных легитимаций, с одной стороны, и практические трудности ответственных за воспитание и образование, решающих задачи обеспечения интернализаций сменяющих друг друга и конкурирующих друг с другом значений, – с другой, формируют проблемное поле, в котором ведут дискуссии политики, идеологи, социальные психологи, педагоги. Например, вменяемая светским образовательным учреждениям задача воспитывать, а не только реализовывать «образовательные услуги», должна решаться вне опоры на вероучительное или идеологическое знание, что порождает проблемы и вызывает обоснованные возражения.

Достигнув теоретической зрелости, социология предлагает диалектические подходы, сочетающие перспективы социального реализма и номинализма. В теориях – структуризации Э. Гидденса, социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, габиутуса П. Бурдьё и многих других – подчеркивается рефлексивный и конструктивный характер самих понятий «общество» и «личность» и анализируется связь процессов социализации и индивидуализации.

Значительный вклад в прояснение этой связи внесла психология. Соотношение индивидуальности и социальности, индивидуализации и социализации – центральная тема исканий психологии в XX в.: З. Фрейда, Ж. Пиаже, Дж. Мида и представителей советской психологии – Л. Выготского, А. Леонтьева, С. Рубинштейна. Психология, в отличие от социологии, не может быть последовательно социоцентрична. Для психолога превращение ребенка во взрослого, становление человеческой личности – естественный процесс созревания, эндогенного развития психофизиологического организма. Этот рост имеет собственную логику, которую концептуализируют стадийные теории психического развития. Он является социализацией в двояком смысле. Социализация встроена в этот естественный процесс, поскольку он развивается в общении ребенка со взрослыми, с «другими», и приобретаемые ребенком универсальные, инвариантные для разных культур когнитивные, языковые, социальные и прочие человеческие навыки или компетенции есть продукт обучения.

Само обучение состоит в разрешении проблем – эмпирико-аналитических и морально-практических, возникающих во взаимодействии ребенка с другими, – в «социализирующих интеракциях». Внутренняя логика процесса обучения состоит в последовательном переходе от одной ступени к другой, каждая из которых имеет свою определенность, описываемую как структура, набор операций, интернализированных схем действия. З. Фрейд описывал главным образом психодинамику этого процесса, а Дж. Мид – его когнитивно-социальные условия. Этот естественный процесс доходит до стадии, на которой от природы данный ребенку социальный мир становится предметным для него как совокупность легитимно регулируемых межличностных отношений. Естественные привязанности становятся социальными узами

(регулируемая нормами интеракция), конкретный поведенческий образец становится социальным – обобщенным для всех членов группы. Обязанность отделяется от склонности, а ответственные действия – от случайных или невольных поступков. Индивид знает свои действия как регулируемые и внутренне контролируемые нормами («всеобщий интеллект» Ж. Пиаже, «обобщенный другой» Дж. Мида, «моральное сознание» Л. Кольберга). Первичная социализация завершена. Человек созрел и вступает во взрослую жизнь.

С социологической точки зрения интерес представляют как универсальные характеристики процесса взросления в рамках первичной социализации, так и те исторически-индивидуальные социокультурные, в том числе институциональные условия, в которых протекает (или затрудняется, искажается) естественный процесс взросления. Ю. Н. Давыдов справедливо отметил [6, с. 47–65], что ключевое условие, при котором могли разворачиваться опыт и протекать психодинамические процессы, концептуализированные фрейдистской схемой семейной социализации, – это модифицированная капиталистической индустриализацией, но все еще патриархальная, семья с соответствующим распределением авторитета между ролями отца и матери, мужа и жены. Только при этом условии наличествует эмпирический базис для тех «объектов загрузки», которые трансформируются в актах идентификации в структурные элементы психики ребенка. Семья постмодерна (эгалитарная, гомосексуальная, неполная, коммунитарная) не дает объекта для загрузки и конституирования безусловного властного прочного «сверх-Я». Соответственно, вся фрейдистская конструкция рушится.

Глубинные изменения в имманентной структуре семьи, появление в мире ребенка предметов, меняющих психодинамические и когнитивно-социальные характеристики процесса первичной социализации, обостряют собственно антропологический вопрос. Социализация как деятельность поколений взрослых, агентов социализации, включая уполномоченный персонал, должна быть направлена исключительно на оберегание, контроль, оценку, корректировку условий, в которых протекает естественный процесс созревания, взросления личности? Или же, вооруженные знанием об этом процессе, социализаторы получают возможность экспериментировать с человеческой природой? Неповрежденность человеческой природы или конструктивное вторжение в нее? Варианты ответов на эти вопросы существенно различаются, мы находимся только в начале дискуссии и чувствуем потребность в новых эмпирических и теоретических аргументах.

Интеракционистские теории социализации, начиная с Ч. Кули и Дж. Мида, акцентируют тему взаимодействия, активности «новичков», подчеркивают, что ребенок – также агент социализации своих родителей и воспитателей, во взаимодействии с которыми творится «новый мир». Своеобразным протестом против восходящей к Э. Дюркгейму социоцентрической концепции социализации с ее функционализмом, инструментализмом и подчеркиванием внешней детерминации явилась предпринятая в так называемой «социологии детства» деконструкция концепта социализации. Социология детства обращает внимание на «расшифровку условий построения субъективности детства в пределах структуры процессов социализации» [7].

Главное достоинство и причина устойчивости социоцентрических структурно-функциональных и системных объяснений социализации – их достоверность, объективно, эмпирически подтверждаемая и субъективно переживаемая. Анализ социализации как процесса принуждения позволяет обсуждать проблемы власти, управления, социального моделирования, контроля и их субъекта – вплоть до искусственного интеллекта, который можно интерпретировать как «социализированную машину». Стремительно развивающиеся информационно-коммуникативные технологии и надвигающийся виртуальный мир

существенно модифицируют социальную циркуляцию и позволяют создавать новые (не «каналы» – метафора «хромает») «социальные платформы», перехватывающие инициативу у традиционных социализаторов, которым все труднее конкурировать с ними в борьбе за объем привлеченного внимания и времени жизни. Чем раньше и глубже индивиды общаются к виртуальному общению, тем в большей степени эти платформы интегрируют всю внешнюю активность личности и через генерируемый ими информационно-эмоциональный фон определяют ее поведение, осуществляют тестирование, отбор и распределение индивидов по виртуальным сообществам.

Социализация личности в антропологическом смысле – это превращение ребенка во взрослого. Взрослый – это совершеннолетний, наделенный правами и обязанностями, распоряжающийся собой, а не выступающий предметом опеки. Соответственно, он подлежит оценке со стороны общества: правовой (виновен/невиновен) и психиатрической (вменяем/невменяем). Если социализация не удалась, человека будут лечить или наказывать. Взрослый «адекватен», если его поведение соответствует нормам. Суждение об этом соответствии выносят другие (объективный смысл) и сам человек (субъективный смысл). В первом случае из негативной оценки следуют меры наказания, санкции – от неодобрения до физического принуждения, во втором – стыд, угрызения совести, раскаяние, агрессия, обида, resentment.

Представления о социализации укоренены в практическом сознании, и люди в реальных жизненных контекстах чутко реагируют на ее показатели: нормальное и странное, мы и они, свои и чужие, а также – выше/ниже, центральное/периферийное, доминантное/маргинальное. Наконец, успешная/неуспешная социализация. Общественное мнение, озабоченное успешностью социализации, постоянно тестирует ее. Насколько социализировано новое поколение? Сохранен ли (не разрушен, не обеднен) накопленный сообществом потенциал? Исправны ли механизмы его передачи? Обеспечивает ли социализация подрастающих поколений расширенное воспроизводство – будущее сообщества? Связывает ли молодежь свои жизненные шансы с деятельностью на благо общества? С его укреплением и развитием? Готовы ли люди в критической ситуации пожертвовать собой ради сообщества?

Успешность социализации в аналитической перспективе «общество» – это процесс и результат расширенного воспроизводства: исторически накопленный потенциал (освоенная природная среда, продукты материального и духовного производства, запас знаний, социальные отношения, поведенческие образцы и т. д.) сохранен и приумножен за счет вкладов нового поколения. В перспективе «индивид» успешная социализация – это развитая и зрелая личность, которая интегрировала социальный опыт в личностный потенциал. Показатель успешной социализации личности – наличие мотивации к участию в социальной жизни, включенность в социальные отношения, соединение своих жизненных шансов и целей с жизнью сообщества. Психологи связывают успешность социализации с формированием «просоциального поведения», эмпирически операционализируют это понятие и разрабатывают инструментарий для его оценки («Шкала социально-психологической адаптированности» К. Роджерса, Р. Даймона; «Ценностные ориентации» М. Рокича; тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» и мн. др.) [8, с. 264–279].

Социализация включает в себе телеологию. Деятельность воспитателей по трансляции социального опыта, дисциплинирующее воздействие институциональных порядков, процесс достижения личностью социального статуса – во всех этих аналитически различаемых аспектах социализация выступает направленным процессом. Социализация всегда ориентирована на некие эталоны, образцы, стандарты, разделяемые сообществом (необязательно единообразно,

единодушно и безусловно), приближение и полнота реализации которых и сообщает социализации успешность. В посттрадиционных обществах обоснование, продвижение и закрепление этих образцов и стандартов выступает пространством для социального моделирования.

Успешность социализации в объективном измерении – это мера воплощения в личности разделяемого сообществом образца, определяемая ее положением в социальной структуре и связанными с ним доступными ресурсами и ограничениями. Воплощение образца обеспечивается институциональными программами для индивидуальных и групповых жизненных планов. В субъективном измерении успешность социализации – это мера соответствия субъективно переживаемой идентичности личности всей ее социально значимой интеракции. Абсолютно успешная социализация невозможна, не может быть полного совпадения между тем, что человек есть (он никогда не «есть», а «становится») и тем, каким ему предписано или дозволено стать.

Наивысшего успеха социализация достигает в двух, только гипотетически конструируемых, крайних случаях. Первый – застывшее изолированное общество с незначительным разделением труда, где образцы личностей жестко предписаны и профилированы социальной структурой. Для личности в таком обществе идентичность не является проблемой. Еще не является. На другом полюсе – общество, структурированное только «неискаженной коммуникацией». Утопия Ю. Хабермаса рисует сообщество, в котором реализована открытая конструктивная рефлексивная идентичность, а потому для личности она уже не является проблемой, а скорее выступает интригующей задачей.

В современных динамичных обществах успешная и неуспешная социализации сосуществуют. Успешность социализации можно интерпретировать как переменную – «социальный капитал» – и проследить ее корреляцию с переменными, выражающими параметры социальной структуры, – с мобильностью, стратификацией, дифференциацией институциональных порядков. Мера успешности определяет интенсивность социализации, а доля успешно социализированных – всеобщность социализации. Высокие значения интенсивности и всеобщности социализации характерны для устойчиво развивающихся динамичных обществ. При этом ни одно общество не застраховано от срывов и патологий социализации. Снижение меры успеха, возрастание доли неуспешно социализированных несет угрозу устойчивости общества, грозит десоциализацией, архаизацией и одичанием. Оно имеет очевидные последствия для социальной структуры: ослабление институционального порядка, деградация отдельных институтов, замедление мобильности. Порождает рост социального отчуждения и апатии: проблема идентичности становится главной.

В рамках теоретико-методологического анализа успешность социализации – это «симметрия между объективной и субъективной реальностями» [5, с. 264]. Культурно-исторический анализ демонстрирует конвенциональность критериев успешной социализации личности. В том смысле, что культурно-историческое своеобразие сообществ допускает в ответах большую вариативность. Например, в одних сообществах таким критерием признается субъективная удовлетворенность личности своей жизнью, в других этот показатель не принимается во внимание. Одни общества таким критерием полагают независимость, уверенность, самостоятельность личности, другие этот показатель игнорируют в пользу неукоснительного следования одобряемым образцам. В одних сообществах оригинальность превозносится, в других отвергается. Впрочем, и в обществах, поощряющих индивидуализм, преследование исключительно личных целей также не одобряется. В подавляющем большинстве современных обществ сами эти критерии – предмет полемики и конкурентной борьбы. Интересная

попытка операционализировать критерии успешной социализации личности, связав их с индикаторами социального поведения (потребление, труд, досуг, предпочтения, политическая активность) и управлять процессом посредством позитивных и негативных санкций – система «социального кредита», которая тестируется в настоящее время в КНР.

В России запрос на исследование социализационных процессов со стороны государства и ведомств, политических партий, общественных организаций отчетливо выражен¹, чему свидетельство – значительный объем конкретных социологических исследований семьи, детства, молодежи, ее ценностных ориентаций, установок, мотивов, притязаний, факторов стратификации и мобильности, так называемый «поколенческий анализ» [9]. Накапливающиеся в информационном пространстве «следы» социальной активности индивидов или индикаторы занятости, потребления, досуга, общения – «большие данные» – уже сегодня используются в качестве ресурса для решения частных управленческих задач. Очевидно, что такой объем первичной социологической информации может и должен быть востребован и отечественной социологией. Но пока не вполне ясно как, о чем откровенно и высказался руководитель ВЦИОМ Валерий Федоров [10]. Думается, что теоретическая интерпретация социализации в отечественной социологии – лишь одно из условий, другим, решающим условием является государственное плановое участие в создании ряда моделей социализации, учитывающих региональные различия и особенности поселенческих общностей в России.

Концептуальная модель, в которой общество предстает открытой самоорганизующейся системой, формирующейся посредством социализации вещей, идей, людей и отношений, позволяет рассматривать социализацию нового поколения как частный случай всеобщего процесса. В восходящем к Г. Зиммелю смысле социализация – это обобществление, т. е. процесс порождения социальности – от мимолетного разговора до войны, производство самой ткани социальной жизни посредством неисчислимого количества взаимодействий одних с другими, ради других, против других. Исследовательский интерес направлен на то, как творится социальность, как конфигурируются отчужденное и воплощенное, старое и новое, индивидуальный и интерсубъективный опыт, как личные вклады творцов включаются в наличные структуры, изменяя предметную среду, сложившиеся поведенческие образцы, запасы знаний, символические картины мира.

Обратимся к наследию отечественного мыслителя М. К. Петрова, предложившего типологические понятия достаточно высокого уровня общности для понимания процесса социализации, называемого им «социальным кодированием», в котором он различил коммуникацию, трансляцию и трансмутацию [11, с. 40].

Передача социальности как наличной «суммы обстоятельств» (К. Маркс) опосредована знаком (подобно передаче биологических видовых признаков посредством гена). Знаковая форма социальности – «знание» – это сокращенная путем обобщения и типизации и свернутая для целей передачи новым поколениям «запись» видов социально необходимой деятельности. Социализация индивида (в аспекте трансляции) понимается как последовательность: опосредованное деятельностью воспитателей знание типизированных программ решения типизированных задач – воспитуемый индивид, имеющий психофизиологические ограничения, – деятельность. Поскольку транслируемое знание заведомо превышает «вместимость» индивида, оно неизбежно должно фрагментироваться. В качестве рабочей гипотезы автором принимается, что

¹ Симптоматично, что в президентской избирательной компании 2018 г. одна из политических партий в своей предвыборной агитации обращалась к проблеме отсутствия «социальных лифтов» для российской молодежи; это понятие из арсенала теорий социализации.

объем фрагмента лимитирован «индивидуальной вместимостью», а состав – дело случая. Предметом анализа выступают два отношения: отношение фрагмента и индивида и отношение самих фрагментов. Фрагмент знания задает индивиду через наследуемые программы деятельности «круг реальный», материалы, орудия, продукты, алгоритмы действия. Петров называет его «интерьером» и уподобляет «ролевому набору», ссылаясь на Р. Мертона [11, с. 33].

Важно заметить, что и «знание», и «творчество» здесь не сводятся к специализированным рафинированным формам. Сошлемся на слова современников Петрова, написанные в эти же (1960-е) годы: «Каждый в обществе тем или иным образом причастен к его “знанию”... лишь немногие заняты теоретической интерпретацией мира, но каждый живет в том или ином мире (который. – А. Ш.) ...люди “знают” как “реальность”» [5, с. 30–31]; «Каждая роль открывает доступ к определенному сектору всего запаса знания, имеющегося в обществе», что «предполагает социальное распределение знания» [5, с. 127]. Особенности структуры распределения социально необходимой деятельности по социально значимым ролям, ролевым наборам, институтам образуют типологические различия обществ.

Трансмутация – преобразование запаса знания новым поколением для трансляции его в измененном виде. Процессы трансляции и трансмутации осуществляются в коммуникации. Что же позволяет различать универсальное и особенное, «социальное кодирование» вообще и его тип? Петров предлагает оригинальную типологию структур распределения знания по индивидам: лично-именной, профессионально-именной и универсально-понятийный типы [11, с. 22]. В основе типологии – особые средства и механизмы, обеспечивающие сходство поколений по способу совместной жизни и различия, вызываемые необходимостью приспосабливаться к меняющимся и меняемым условиям среды. Согласно развиваемой Петровым аргументации, интегрирующими структурами социально-всеобщего в традиционных обществах выступают кровнородственная связь, ситуации коллективного действия, межсемейный контакт. Европейский же тип социального кодирования автор называет универсально-понятийным и связывает его возникновение с расщеплением субъекта деятельности (коллективного и индивидуального) на «программирующую и исполнительную составляющие, каждая из которых становится социально значимой и социально санкционируемой ролью индивида» [11, с. 145].

М. Петров предлагает провести мысленный эксперимент: посмотреть на европейский способ социализации глазами людей традиции¹. Первое, что по аналогии с привычным для себя отметил бы традиционный человек, – высокая специализация общества модерна. Промышленное производство было бы узнано как ситуация коллективного действия, в которой индивидуальное действие играет относительно незначительную роль. Традиционный человек определил бы современные общества как развитую дикость или развитое варварство, где человек – раб коллектива или коллективного дела. А превосходство традиции в том, что само дело распределено по мерке индивидов (наследуемый профессионализм). Подражание самому эффективному и надежному способу трансляции знания в семье традиционный человек обнаружил бы в «предсемейных» формах: учитель – ученик; мастер – ученик; преподаватель – студент; наставник (супервайзер, ментор, консультант) – стажер, – сомнительных для целей трансляции. Ведь, во-первых, объем и состав транслируемых знаний избыточен, они никогда не пригодятся в последующей жизни, а, во-вторых, процесс обучения неэффективен в методологическом отношении: учебные предметы безграмотно организованы с точки зрения психофизиологических норм жизнедеятельности человека, обращаются к теоретическому интеллекту, стало быть, знания не переходят в практические навыки, в привычки.

¹ Далее близко к тексту следую изложению М. К. Петрова в главе «Традиция и Европа» [11, с. 128–144].

Как эти аргументы сходны с теми, которые выдвигают многочисленные критики советской системы образования и ее не изжитого пока еще наследства, сетующие на многопредметность, избыточный объем основ наук в содержании образования, призывающие к более ранней специализации и практической ориентированности образования! При всей благонамеренности лозунгов модернизации и оптимизации отечественного образования они зовут назад. Если советская математическая школа создала ресурс компьютерной и информационной грамотности и изобретательности наших соотечественников (отдельный вопрос – как они используются), то сокращение в содержании образования основ фундаментальных наук, с одной стороны, и пренебрежение воспитанием, с другой, очевидно, станет тормозом для научно-технического потенциала общества и его консолидации.

Традиция зафиксировала бы непоследовательность в переходе от варварской формы разделения труда в процессе коллективного действия к высшей форме межсемейных контактов. Современные общества по-прежнему склонны к семейной трансляции навыков. Но это делается как-то хаотично, не гарантировано, осуществляется обходными путями, почему-то не одобряется большинством и существует за завесой риторики о равных возможностях. Заметим, возрастающая зависимость социального статуса детей от социального статуса родительской семьи и ставшая особенно заметной «склонность» детей высокопоставленных управленцев к управленческой деятельности в современном российском обществе – узнаваемый пример, свидетельствующий в данном контексте о регрессии и архаизации общества.

Наконец, традиция бы отметила религиозно-мистический характер европейских попыток найти и обожествить всеобщие знаковые основания, бесполезные с точки зрения социализации нового. Отказ от наследственного профессионализма как ключевой формы социального наследования и межсемейного контакта, как матрицы всеобщего обмена приводит к катастрофическим последствиям. Европейец несчастен. С детства ему внушают, что он – Личность, способная стать всем, самореализоваться и самораспределиться в любую выбранную или созданную им самим сферу деятельности. А затем он, преисполненный завышенными ожиданиями, вынужден под влиянием случая или моды включаться в специализированную деятельность, испытывать разочарование и зависть. Не зная ориентиров и целей собственной жизни, он мечется от одного дела к другому, все время что-то осваивает, не достигая никогда мастерства и удовлетворения, которое способна дать только семейная трансляция навыков.

Самая чувствительная и болезненная тема для европейцев – личность. После дехристианизации Европы, когда были отброшены вероисповедальное обоснование личностной автономии, дарованного человеку права и обязанности законодательствовать в собственной природе, «личность» окончательно превратилась в некий тотем. Ее самоопределение – «причинность через свободу» (И. Кант) – весьма туманно. Европейцы одной рукой утверждают личность в ее автономности, независимости, а другой ставят под сомнение, вскрывая ее темную импульсивную, иррациональную основу (психоанализ), ее производность от ансамбля общественных отношений (марксизм), ее программируемый состав (одномерный человек), ее текучесть и изменчивость (сегодня вменяемую прекаризацией труда), вплоть до ее исчезновения (Хайдеггер о завершении гуманизма, Фуко об исчезновении человека, курс «постчеловек»). Наконец, в перспективах киберинформационного общества, в частности, роботизации, многие и многие личности просто лишние.

Для современности, в которой все времена существуют одновременно и все локальные сообщества так или иначе взаимозависимы, проблема «сохранения социальной преемственности – передачи от поколения к поколению накопленного предшественниками и закрепленного в социальных институтах опыта совместной жизни, разделения труда,

обмена, познания, обогащения социальных структур и трудовых навыков новым знанием» [11, с. 22] стоит остро и драматично. Разделение труда не исчезло, по-прежнему «запас знания общества организован таким образом, что часть его является релевантной для всех, а часть – лишь для определенных ролей» [5, с. 127–128]. Для социологии по-прежнему важен анализ «связи между макроскопическими смысловыми универсумами, объективированными в обществе, и способами, посредством которых эти универсумы становятся субъективно реальными для индивидов» [5, с. 130]. Как обеспечиваются значения, «которые будут охватывать все общество и придавать всеохватывающий контекст объективного смысла фрагментарному социальному опыту и знанию индивида» [5, с. 139]?

Продуктивный подход к интерпретации «релевантного для всех запаса знания», «интегративных значений, охватывающих все общество», заявил С. Московичи, критически переосмысливший наследие Э. Дюркгейма. Он предложил концепт «социальные представления», различив при этом консенсусные социальные представления, к которым люди «причастны», которые «доверительно присваиваются» и «разделяются», и овеществленные социальные представления, которые влияют, принуждают, а субъективно могут быть безразличны. Опосредование, координация этих форм, «притирка и подгонка» определяющих их норм и правил – закрепление и стабилизация «реалий социокода» – осуществляются в коммуникации «через взаимные влияния, через имплицитные переговоры, по ходу которых люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделяемым ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применять в повседневной жизни, и доступные всем речевые выражения» [12]. Заметим, «социальные представления» – это и воплощенная, и отчужденная реальность, а не субъективная в противоположность какой-то объективной реальности общества. Например, каждый социальный институт удвоен, существует в овеществленной и конвенционально разделяемой формах, как специфическая форма взаимодействия и как инкорпорированный образ института.

М. Петров формулирует интересную гипотезу, согласно которой в европейской культурной традиции социокод основан на использовании универсальных языковых структур. Границы его становления определены появлением «номоса» – безличного, равносильного знакового регулятора всеобщих гражданских отношений и опытных наук, технологических приложений научного знания. Уникальность европейского социокода – в дифференциации социализации знания в его чистой и прикладной формах. Вторая особенность нового по сравнению с традицией типа социальности – обязательность универсальных навыков, которые в традиционном обществе были профессиональными и транслировались через семейный контакт поколений. Это гражданские навыки, умение жить сообща. В эту же форму всеобщего распределения могут переходить и другие навыки, например, писаря, или воина, или пользователя компьютера. Объем и состав навыков всеобщего распределения меняется, но «сама идея всеобщего человеческого основания, равенства людей по этому основанию и причастности к нему прочно вошла в состав средств социального кодирования, а после санкции в христианстве приобрела усилиями церкви огромную унифицирующую силу, что позволило Европе с ее пестрым по этническому составу, генезису, языку, исходным формам социальности наследием реализовать начатую еще Римской империей программу всеобщего усреднения, выработки единых норм, стандартов, институтов социальной жизни» [11, с. 148].

Уже с первых шагов нового типа кодирования возникает массив «социализированного и подлежащего трансляции всеобщего знания, регулирующего отношения граждан по поводу граждан и формализующего всю сферу общих интересов, причем на этот массив очевидно

распространяются ограничения по “вместимости”» [11, с. 173]. При этом отклонение от нормы, понятия уникальности, таланта, оригинальности, автора, плагиата и т. п. также стали социально значимыми и подлежащими трансляции.

Третья особенность европейского кодирования связана с его постоянным тяготением к универсалиям и прежде всего – к универсалиям общения, к категориальным потенциалам языка. В фокусе внимания Петрова – наука как специфически европейское культурное явление. В странах европейского очага культуры массово из поколения в поколение воспроизводятся всеобщая распространенность навыка формализации, научная психологическая установка, одержимость приложением знаний, мания и навык их приложения. Наиболее убедителен автор, когда он прослеживает генезис экспериментального математического естествознания как специфически европейского продукта и анализирует трудности с социализацией науки, с которыми сталкиваются правительства стран, принадлежащих к неевропейскому социокультурному типу.

«Формула европейца» приобрела устойчивый двусоставный характер: «всеобщее + частное», где общее замыкается на личный или безличный вечный знак: Начало, Бог, Разум, Закон, Общество, Личность. Промышленный капитал, НТР опирались на всеобщее в индивидуе, заставляя его осваивать новые поприща, понуждая его к подвижности, самоопределению. Впрочем, усматривая, подобно М. Веберу, истоки «формальной рациональности» в античной Греции, М. К. Петров, в отличие от М. Вебера, совсем не обсуждает современность в качестве этической проблемы и как будто ничего не знает о «борьбе богов» в душе европейского человека.

Воспользуемся гипотезой Петрова о «двусоставной сущности европейского человека» – «всеобщее + частное»¹. Пропорция общего/частного изменчива, но формула иерархична: общее управляет частным. На нее в эпоху модерна ориентировались модели социализации и вписанные в них воспитательные уклады и педагогические идеи. Эта формула имеет нормативное значение, задает меру оптимизации основных трансляционных каналов, прежде всего образования и науки, и меру востребованности обществом нового интересубъективного и индивидуального опыта. Философски отрефлексированная, идеологически упрощенная, экономически и политически закрепленная, эта формула за последние 200 лет превратилась в глобальный «стандарт социализации». В постсовременном мире всеобщий стандарт рушится. Частное теперь вторгается в общее и приватизирует его.

Остановимся кратко на ключевых моментах обоснования всеобщего стандарта социализации и его неизбежного в обозримой перспективе разложения.

1. *Религиозно-философское обоснование.* Человек, созданный по образу божьему, должен ему уподобиться, духовно-нравственно созреть, состояться как личность. «Естество должно преобразиться в Лицо» (Максим Исповедник). Секуляризация превратила человека в образец для самого себя. До недавнего времени этот образец понимался как всеобщий и принудительный, а социализация личности рассматривалась в контексте воспитания «человеческого рода». И. Кант определяет человека как существо живое, разумное и способное отвечать за свои поступки. Последний «элемент определения человека» имеет принципиальное значение: это «моральный, безусловно повелевающий закон». Он «дан в нас», «мы не могли бы его как таковой выдумать никаким разумом», но вместе с тем он – «единственное, что дает нам сознание независимости нашего произвола от определения всеми другими мотивами (сознание нашей свободы), а тем самым и сознание того, что за все поступки мы способны нести ответственность». Соответственно, воспитание «должно образовать человека, чтобы он мог жить

¹ Ср. с анализом «ступенчатой» европейской идентичности у Г. Кнабе [13].

как свободно действующее существо» [14, с. 96–98]. «Воспитывать – значит воспитывать личность, воспитывать существо, которое свободно действует, может оберегать самого себя и стать членом общества, имеет внутреннюю ценность [Wert] в своих собственных глазах»¹ [15, с. 459–504]. Согласно Гегелю, обоснование всеобщего стандарта социализации осуществляется во всемирной истории. Достигнутый результат – принцип индивидуальной свободы, «автономии индивида» – имеет всеобщий характер и в качестве императива обязателен для всех: «свободен каждый». Всемирная история завершена, и теперь дело за проникновением сознания свободы во всю совокупность мирских отношений.

Благодаря Просвещению «автономный индивид» стал «социальным представлением», принуждающим современного человека воображать себя самостоятельной и уникальной личностью. В постсекулярную, постметафизическую эпоху родовая сущность человека подверглась деконструкции, раздробилась, во многом благодаря социогуманитарным наукам, на несоединимые частные образы «человека экономического», «человека социологического», «человека организационного», и, наконец, разложилась на бесконечное, не сводимое к общему знаменателю многообразие «Я-проектов» [16]. Формирующиеся на наших глазах «антропотренды» [17] красноречиво свидетельствуют о приходе постчеловека. Теперь обсуждается, как социализировать искусственный интеллект.

2. *Идеологическое упрощение* всеобщего стандарта социализации осуществлялось в проективных идеологиях, претендующих на универсальность, в великих утопиях, больших иллюзиях, заряжавших поколения людей «энергией мечты». Большие иллюзии и предлагаемые на их основе мобилизационные проекты сами по себе являлись мощнейшими социализирующими механизмами. Ориентируя на общее дело, которое заведомо превосходит продолжительность жизни и возможности смертного человека, они сообщают индивидуальной жизни надындивидуальное социальное измерение. В свете утопии можно говорить о преемственности поколений, о предательстве дела отцов, о негативной традиции, об антиутопии. Большая иллюзия вплетает центр личности в связь поколений: дело происходит *en grand* и устремлено в будущее. Социализация новых поколений предстает как антропосоциальное конструирование, встроенное в стратегию большого проекта.

Социальное время человека утопии – длительность. Время традиционного человека, напротив, циклично. Традиционный человек видит смысл и ценность своей жизни в том, что круг жизни последовательно пройден, и он достойно приложился к своим предкам. Приверженец проективной идеологии должен двигаться дальше отцов. В этом и состоит его долг перед ними. Конечно, его подстерегают разочарования: ничто не завершено, время жизни слишком коротко, индивидуальный вклад ничтожен, горизонт по мере движения все время отодвигается.

Закат утопий, исчезновение больших иллюзий, отмеченные наиболее чуткими мыслителями еще в XIX в., на излете XX в. стали «социальным фактом». Бунт против традиции и против утопии осуществляется под лозунгом «живи сейчас». Время человеческой жизни в постмодерне – это и не продвижение от прошлого к будущему, и не цикл, в котором важна не столько длительность, сколько последовательность. Время разъято на отрезки, которые не продолжают друг друга и не сменяют друг друга, а сосуществуют одновременно. Времени не хватает, потому что одновременно надо пробегать множество траекторий, исчерпывать множество возможностей. И вместе с тем время «некуда девать», потому что нет никакой необходимости следующего этапа, стадии, шага.

¹ Кант не использует термин «социализация», но думается, это рассуждение без натяжек можно интерпретировать в дискурсе социализации.

3. *Социально-экономическое закрепление* всеобщего стандарта социализации (и его продвижение в процессах капиталистической модернизации, охвативших весь мир) было осуществлено, главным образом, в экономически доминирующих индустриальных обществах. Рост индустриального общества сопровождался всеобъемлющей конвенциализацией социальных практик, нормированием трудовой, гражданской, политической деятельности, расширяющимся вторжением в первичную социальность. Это позволяло обсуждать социализацию как усвоение норм, благодаря которому индивид вписывается в общество, в дифференцированную и согласованно функционирующую систему. Социализация сводилась к нормализации. Надвигающееся постиндустриальное общество влечет изменение как теоретического, так и практического понимания стандарта социализации личности. Социализация как нормализация и аккомодация начинает расцениваться в ее теневом измерении: как унификация личности, как подавление ее права на самореализацию. Соучастниками этого подавления назначены и классическая социология, предложившая объяснения, которые стали достоянием здравого смысла, и сами нормализованные интеллектуалы.

Неклассическая социология обнаружила исторические корни и социальное конституирование всех квазиестественных нормальностей. Теперь индивидам рекомендуется критическая дистанция по отношению к социализирующим факторам: традициям, институтам, ценностям, идеологиям – ко всем естественным нормальностям. Успешно социализированный индивид имеет подвижную идентичность, всеобъемлющую рефлексивность, способен проектировать самость. Бунт субъективности, впрочем, успешно утилизируется капиталом [18]. Многообразие стилей жизни релятивизирует отношение нормы и отклонения, успешной социализации и маргинальности, происходит легитимизация маргинальности. Общее знание (общенациональное и общегосударственное) повсеместно сужается. Ролевое знание быстрее множится, быстрее покупается.

Характерно, что еще недавно «взрослость» ассоциировалась главным образом с трудом («трудовая социализация»¹). В постиндустриальном обществе на смену тейлоризму, фордизму, социальному партнерству, тойотизму, всеобщей занятости приходят упадок профсоюзов, государственного участия в отношениях труда и капитала, прекаризация труда, гигеномика [20], безусловный базовый доход, хроническая безработица, волонтеры, лишние люди. Труд, как и убеждения, уже не определяет жизнь людей² [21].

Глобальный мир (мировая капиталистическая экономика) – это глобальный рынок, глобальное производство и глобальное потребление. Но зададимся вопросом: а где базируется современное производство? Мировые деньги производятся в США, а используются во всем мире. Пищевое сырье, продукция машиностроения, материаловедения производятся в трех десятках стран, информационные продукты (технологии, методики, языки, программы), личные коммуникативные устройства производятся в 15–20 странах, а используются во всем мире. Собственно глобальным в современном глобальном мире являются не производство и даже не асимметричный обмен центра и периферии³, а потребление.

¹ Ставшее хрестоматийным в отечественных теориях социализации различие дотрудовой, трудовой и послетрудовой стадий было обосновано Г. М. Андреевой [19].

² Согласно данным А. Зудиной (Центр трудовых исследований ВШЭ), свыше 2 млн наших соотечественников принадлежат к категории NEET (аббревиатура, принятая в международной статистике для молодежи 15–24 лет, которая не работает, не учится, не стажирется). Данное явление превращается в глобальную долгосрочную социальную проблему.

³ Симптоматично, что в противоположность разрекламированным планам создания трансатлантического и транстихоокеанского партнерства США активно продвигают идею регионализации.

4. *Участие национального государства* было вписано во всеобщий стандарт социализации. Государство брало на себя ответственность за его поддержание: выравнивание стартовых условий социализации, обеспечение – планирование и регулирование условий общественного воспроизводства (медицина, образование, занятость, долгосрочное кредитование). Сегодня государство объявляет о дерегулировании и «уходит». Платой за вхождение в глобальный рынок является урезание государственных расходов, экономия на издержках, невозможность конкурировать с наименее трудоемким (в смысле создания рабочих мест) финансовым капиталом, который на наших глазах превращается из денег в информационные технологии. В рамках глобального разделения труда и перехода к новому промышленному укладу вовлеченность общественных и государственных институтов разных блоков стран в регулирование условий расширенного воспроизводства резко дифференцируется. Субъекты, заявляющие наиболее масштабные и долгосрочные государственные и корпоративные цели, непосредственно определяют заказ и формируют средне- и долгосрочный спрос как на тип продукции и услуг, так и на типы личностей и коллективов, способные их произвести, распределить и потребить.

Единый стандарт социализации, предполагавшийся до недавнего времени для развитых и развивающихся стран, исчезает. Ему на смену приходит и в обозримой перспективе будет идеологически закреплено множество локальных стандартов социализации и типов личности, адекватных решению тех задач и целей, которые отведены соответствующим регионам глобальными игроками. Будет осуществлена попытка узаконить путем пропаганды и социальных технологий хаотизации и разжигания цепи локальных тлеющих конфликтов для ряда стран и регионов определенный образ жизни, вырваться из которого и сменить который будет практически невозможно. Произойдет колоссальная дифференциация между странами и регионами не только по условиям, но и по стандартам социализации личности. Большая продолжительность жизни, необходимость и возможность непрерывного образования в смысле его углубления и расширения в течение жизни – для одних и принципиальная ненужность высшего образования для грамотных потребителей, декомпетентных и депрофессионализированных прекариев, получателей пособий – для других. Индия, Китай, Иран благодаря мощным культурным традициям, возможно, смогут обособиться на религиозном и мировоззренческом основаниях и создать модель, которая обеспечит успешную социализацию. Латиноамериканские и африканские страны с высокой вероятностью окажутся сырьем для обкатки локальных социализационных стандартов и будут выведены из развития.

В условиях глобализации социализация принимает нетрадиционные, неклассические формы. Социализационные процессы становятся пространством для социального моделирования. При обсуждении актуальных проблем социализации молодежи в современной России нужно ориентироваться не на экуменические общечеловеческие ценности, а на национальные интересы, принимая во внимание следующее «обстоятельство». Природа, история и судьба отвели России роль местоблюстителя гигантской территории с невозобновляемыми природными ресурсами. Новый промышленный уклад и складывающееся киберфизическое пространство как сфера всеобщего обмена предметами материального и духовного производства не отменяют, а, скорее, обостряют конкуренцию за первичные природные ресурсы. Чем дальше, тем сильнее они будут оцениваться как предельно невозобновляемые. Можно множить информацию, а материю породить нельзя.

Глобализация обобществляет средства связи и базы данных, воспроизводимые и наращиваемые ресурсы. Невозобновляемые ресурсы, напротив, должны в этих условиях стать предметом закрепления и защиты идеологическими, военно-политическими, хозяйственно-экономическими методами.

Полагаю, что именно этот императив должен быть принят во внимание как в теоретическом анализе, так и в практике моделирования социализационных траекторий [22] российской молодежи при городском и сельском образе жизни. Именно последний, на мой взгляд, при условии опоры на культурные традиции и богатый опыт природопользования народов, населяющих Россию, включает в себе мощный трансмутационный потенциал. Впрочем, это предмет особого разговора.

Каждая из социогуманитарных наук по-своему показывает, что социализация – лишь один из процессов, участвующих в формировании личности, в становлении человека. Психология имеет дело с отношением «организм – личность – коллектив». Культурология – с отношением «коллектив – культура – личность». В глобальном мире национально-государственные, транснациональные и конфессиональные субъекты конкурируют за возможности определять и продвигать свои модели социализации. Притязание социологии – охватить все эти процессы и отношения, поскольку они разворачиваются внутри общества, понимается ли оно как система или как сеть социальных практик. Задача социолога – эмпирическая генерализация и типологический анализ условий социализации личности. Они определяются региональными различиями современных обществ внутри глобального мира, культурными и структурными, главным образом, институциональными различиями, которые имманентно упорядочивают повседневный социальный опыт людей и предопределяют русла и траектории социализации индивидов – их жизненные пути, стили жизни, идентичности. По мере нарастания объема и влияния транснациональных социальных практик в теоретическом и практическом сознании осуществляется радикальный пересмотр всех антропологических характеристик. Все измерения социализации как процесса и результата – странный/нормальный, свой/чужой, центральный/ периферийный, доминантный/маргинальный, молодой/старый, мужчина/женщина – становятся подвижны. Человек как продукт социализации постоянно противопоставляется самому себе, своему прошлому и будущему. Будущее запрещено. Есть только настоящее, которое требует молодости и силы. Социализация обращается против человека...

Становление личности, да и сама личность – тайна, в которой светится апофатическая глубина, ускользающая от всяких определений. Социология не имеет прямого непосредственного доступа к этой тайне. В границах своего предмета и метода социология анализирует условия, в которых эта тайна может осуществиться. Или запрещается. Или перестает быть тайной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сорокин П. А. Механизмы социального тестирования, отбора и распределения индивидов внутри различных социальных страт // Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. С. 405–424.
2. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / пер. Н. Л. Поляковой // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.
3. Тард Г. Социальная логика. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996.
4. Шютц А. Хорошо информированный гражданин // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 222–237.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. на рус. Е. Руткевич. М.: Моск. филос. фонд; Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995.
6. Давыдов Ю. Н. Болевые точки стабилизационной социологической теории. Недостатки концепции социологизации // История теоретической социологии: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Изд-во «Канон +»; ОИ «Реабилитация», 2002. С. 47–65.

7. Зюнкер Х., Бюлер-Нидербергер Д. От исследований социализации к социологии детства // Развитие личности. URL: <http://rl-online.ru/articles/4-03/251.html> (дата обращения: 31.08.2018).
8. Марцинковская Т. Д. Теоретико-эмпирические исследования соотношения процессов социализации и индивидуализации // Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии / под ред. Т. Д. Марцинковской. М.; Обнинск: ИГ – СОЦИН, 2010. С. 264–279.
9. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социс. 2018. № 3. С. 15–33.
10. Гусарова Ю. «Соврать о себе в соцсетях не получится». Дискуссия о Big Data. URL: <https://snob.ru/selected/entry/123380> (дата обращения: 31.08.2018).
11. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991.
12. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд / пер. с фр. Т. П. Емельяновой // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
13. Кнабе Г. Диагноз нашего времени // Избранные труды. Теория и история культуры. СПб.: Летний сад; М.: РОССПЭН, 2006. С. 883–1178.
14. Кант И. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.
15. Кант И. О педагогике 1803 // Трактаты и письма / отв. ред. А. В. Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 459–504.
16. Арчер М. Современный кризис: последствия игнорирования четырех ключевых принципов католической социальной доктрины. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74748297> (дата обращения: 31.08.2018).
17. Хоружий С. С. Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2014/02/hor_metod_diagnostiki.pdf (дата обращения: 31.08.2018).
18. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма // Логос. 2011, № 1. С. 76–102.
19. Андреева Г. М. Социализация // Социальная психология: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 213–222.
20. «Прекратите искать работу»: как изменится рынок труда в XXI веке. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/ekonomika/p20081> (дата обращения: 31.08.2018).
21. Два миллиона молодых россиян попали в категорию «людей без лица». URL: <https://www.mk.ru/social/2017/05/15/dva-milliona-molodykh-rossiyan-popali-v-kategoriyu-lyudey-bez-lica.html> (дата обращения: 31.08.2018).
22. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. № 1. С. 109–114.

A. V. Shcherbina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SOCIALIZATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: SPACE FOR MODELING

The basic methodological traditions of sociology in the analysis of socialization are considered. Criteria, social and structural conditions and consequences of successful socialization are analyzed. Based on the typological approach to socialization proposed in the concept of "social code" by M. K. Petrov, the key characteristics of the universal standard of socialization are analyzed. The author traces its religious and philosophical foundations, ideological advancement, socio-economic and political consolidation accomplished in the processes of capitalist modernization with the obligatory participation of the national state. The inevitability of the decomposition of a universal standard in post-industrial society is proved. Socialization processes in the context of globalization are considered concerning the competition of transnational, national-state and confessional subjects. An attempt is made to substantiate the fruitfulness of the socialization analysis as a space for modeling.

Socialization, culture, social structure, personality, criteria of successful socialization, identity, translation, transmutation, communication, universal standard of socialization, social modeling